

О ФОРМАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ЯЗЫКА БЕСЕРМЯН¹

В.А. Иванов,

заведующий сектором записи и обработки документов
отдела устной истории МГУ имени М.В. Ломоносова
vovagkmfc@yandex.ru

1. Изобразительные слова в пермских языках

Как известно, в пермских языках особую лексическую группу составляют неизменяемые слова, образно передающие звуковые, зрительные и иные характеристики различных явлений. Слова этой группы обычно называются изобразительными и выделяются на фоне всех прочих слов аномальными свойствами как в плане значения, так и в плане формы. Изобразительные слова характеризуются произвольной, фонетически мотивированной связью между звуковым обликом слов и лежащими в основе номинации признаками денотата.

Названная группа лексики недостаточно изучена до настоящего времени, хотя на богатство пермских языков изобразительными словами обращали внимание еще в XIX в. И.А. Куратов и Г.Е. Верещагин. Специальные исследования изобразительных слов в пермских языках начались с 1940-х годов в работах М.А. Сахаровой, Д.В. Бубриха, В.И. Алатырева, а затем продолжались А.С. Кривошековой-Гантман, К.Е. Майтинской. Интерес к изобразительным словам в пермистике был возобновлен после некоторого перерыва уже в 1990-х гг. в работах И.В. Тараканова, В.М. Лудыковой, С.В. Соколова, С.А. Максимова и др. На сегодняшний день исследования продолжаются в работах С.С. Шляховой, А.С. Лобановой, А.А. Шибанова, С.Н. Ширококовой, Ф.И. Рожанского и др.

В данном исследовании рассматриваются изобразительные слова языка бесермян – коренного малочисленного народа РФ, компактно проживающего на северо-западе Удмуртской Республики. Бесермяне говорят на бесермянском наречии (диалекте) удмуртского языка. Предметом рассмотрения является внутренняя структура изобразительных слов языка бесермян. Материалом работы послужили данные полевых исследований автора из экспедиций 2011-2016 гг. в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики.

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 16-24-17003.

2. Морфологическая структура образительных слов

Общий подход и теоретическая база для описания образительных слов пермских языков пока не выработаны: нет четкого общепринятого определения и единого мнения относительно их места в языке. Грамматики рассматривают данную группу лексики вместе с наречиями или междометиями, но в настоящее время справедливо отмечается необходимость выделения образительных слов в отдельную категорию (Шибанов 2010: 133–137).

Образительными обычно называют неизменяемые слова, неспособные присоединять формообразовательные аффиксы. Именно неизменяемость оказывается тем свойством, на которое в первую очередь обращают внимание исследователи. Благодаря этому образительные слова рассматриваются в составе неизменяемых частей речи.

Однако языковой материал показывает, что присоединение формообразовательных аффиксов в некоторых случаях возможно. Например, в языке бесермян образительные слова способны присоединять показатель множественного числа *-эс'*, характерный для прилагательных в предикативной позиции: ср. *Вал'л'ос чъндър-чандърэс'*, *прос' соостъ л'аб с'удо* 'Лошади худющие, совсем их плохо кормят'. Слово *чъндър-чандър* выражает здесь чрезмерную худобу.

Почему в данном случае следует считать *чъндър-чандър* образительным словом, а не обычным прилагательным? Укажем ряд конкретных признаков. Во-первых, слово *чъндър-чандър* может служить интенсификатором прилагательного *вэчки* 'тонкий, худой' (*чъндър-чандър вэчки* 'очень худой'), в то время как обычные прилагательные не могут модифицировать другие прилагательные. Во-вторых, употребление слова *чъндър-чандър* вносит экспрессивно-оценочный компонент в высказывание, притом что интеллектуальная оценка могла бы быть выражена прилагательными *вэчки* 'тонкий, худой', *к'уан'эр* 'худой', *вос'тэт* 'тощий'. Экспрессивность является характерной особенностью образительных слов.

Наиболее ярко слово *чъндър-чандър* выделяется на фоне других слов своей морфонологической структурой. Здесь можно наблюдать редупликацию, дивергенцию гласного в корне, конечный формант *-ър*. Все эти особенности характерны именно для образительных слов.

Образительные слова характеризуются обычно как аморфные, т.е. неделимые на морфемы. В случае присоединения словообразовательных аффиксов к образительному слову образуются слова других частей речи. Однако в ряде языков, в том числе в языке бесермян, обнаруживаются особые форманты, регулярно присоединяющиеся к образительным словам и некоторым образом модифицирующие их значение, ср.: *тач* – *тачър*,

кўаюс – *кўаюсър*. Слово *тач* передает краткий треск, *кўаюс* – хруст; формант *-ър* добавляет к значению элемент длительности и диссонантности звучания. Сравните также *бъг* – *бъгър*, *бъг* – *бъгъл'*, где все слова связаны с образом округлости форм. Формантами *-ър*, *-ъл'* реализуется в языке берсермян типологически распространенное явление – передача в изобразительных словах значений множественности, протяженности, интенсивности так называемыми RL-формантами (формантами с сонантами *r*, *l*) (Воронин 1982).

Возникает вопрос о морфологическом статусе подобных формантов. С формальной точки зрения форманты *-ър*, *-ъл'* можно признать морфемами, так как для них могут быть построены правильные «квадраты Гринберга». Однако признание формантов *-ър*, *-ъл'* и подобных морфемами влечет существенную корректировку наших представлений об изобразительных словах в пермских и в ряде других языков.

Н.И. Ашмарин, исследовавший изобразительные слова в тюркских и финно-угорских языках Поволжья, намеренно ушел от ответа на вопрос о морфологическом статусе формантов, предложив для них термин «отличители» (Ашмарин 1928). Н.И. Ашмарин полагал, что часть «отличителей» возникла в результате переразложения «хаотической» основы изобразительного слова. Такое решение неизбежно приводит к вопросу о внутренней структуре или «внутренней морфологии» изобразительных слов. Проблема соотношения внутренних структурных элементов и сегментации в смысле обычной морфологии осознается исследователями изобразительной лексики самых разных языков (Samarin 1965: 120–121).

3. «Внутренняя морфология» изобразительных слов

Часть изобразительного слова за вычетом «отличителей» будем называть изобразительным корнем. Изобразительный корень вместе с «отличителями» составляет изобразительную основу. К изобразительной основе могут присоединяться словообразовательные аффиксы. Интересно, что от основ с «отличителями» и без них по-разному образуются глаголы, ср.: *тък-кет-ънь*, *тъкър-т-ънь* ‘стучать’ (слово *тък* передает стук, *тъкър* – дробный стук).

Некоторые изобразительные корни являются связанными, т.е. встречаются только в основах с «отличителями»: *зъкър* ‘со скрипом’, *шьнгъл'* ‘невнятно (о речи)’, *шьн'ър-шан'ър* ‘неустойчиво, шатко’, при этом слова **зък*, **шьнг*, **шьн'*, **шан'*, **шьн'-шан'* отсутствуют в исследуемом наречии.

Изобразительные корни имеют в основном фонологическую структуру SVC с вариантами CCVC и CVCC. Фонологическую структуру SVC имеют многие корни пермских языков. Отличительная особенность изобрази-

тельных корней заключается в том, что они обнаруживают внутреннюю структуру, в которой можно четко выделить согласный анлаут, гласный инлаут и согласный ауслаут. Слова с изменением звуков одного из компонентов изобразительного корня часто составляют квазисинонимический ряд: *тачър* > *лачър* > *ўачър* > *кўачър*; *тачър* > *такър*, *лачър* > *лакър*, *кўачър* > *кўажър* (все слова передают звуки треска, хруста).

Особенно регулярно наблюдается дивергенция гласных в инлауте изобразительного корня: *тъп* > *тап* > *топ*, *дъб* > *даб* > *доб* (передают резкий стук, звук удара). Чередование гласных в инлауте часто сопровождается редупликацией: *тъчър-тачър* (о треске), *кльп-клап* (о звуках при ходьбе).

Таким образом, можно сказать, что изобразительные слова образуют квазисинонимические ряды путем определенных преобразований: присоединения «отличителей», смысловой «замены» звуков в анлауте, инлауте или ауслауте корня, повторов корня. Структура изобразительного корня вкупе с «отличителями» составляют «внутреннюю морфологию» изобразительных слов.

4. Формант *-ак* в изобразительных словах

Формант *-ак* в языке бесермян служит для образования наречий от других наречий и прилагательных: *шори* ‘пополам’ > *шорийак* ‘то же’, *бъдэс* ‘полный’ > *бъдэсак* ‘полностью, целиком’. В данном случае формант *-ак* несомненно имеет статус морфемы. Сфера употребления суффикса *-ак* в языке бесермян несколько уже, чем в литературном удмуртском языке.

Значение данного суффикса может быть проиллюстрировано следующим примером: *Съсь нуэз шори / шорийак пъл'элизъ, пъл'эм бэрэ со луэ кусъл, кусълэн кэртълизъ майэгйостъ* ‘Ветку можжевельника разделяли пополам (вдоль), после чего из нее получается вязка, вязкой связывали колья’. В данном примере предпочтительно употребление наречия *шори*; использование варианта с *-ак* оказывается на грани допустимого. По-видимому, это связано с тем, что в глагольной форме *пъл'-ъл-и-з-ъ* ‘расколоть-ITER-PST-3-PL’ дважды выражена множественность: глагольная множественность суффиксом итератива (ITER) *-ъл-* и множественность субъекта суффиксом множественного числа *-ъ* (PL). В то же время суффикс *-ак* подразумевает однократность действия.

Если употребление форманта *-ак* с наречиями и прилагательными в языке бесермян ограничено, то его сочетание с изобразительными словами вполне продуктивно. Часто суффикс *-ак* присоединяется к основам звукоподражательных слов с «отличителем» *-ър*; обычно данный процесс сопровождается выпадением *ь*: *зъкър* > *зъкрак*. Вновь образованные звукоподражания выражают краткое и однократное звучание: *Эс зъкър-закър*

уаз'э 'Дверь скрипит, поскрипывает'; Эс зъкрак уаз'из 'Дверь скрипнула (один раз)'. Сравните также Бодъ тачрак / *тачър чигиз 'Палка сломалась с резким треском', где употребление варианта без -ак не допускается, поскольку формант -ър передает длительность звучания. Здесь возможно, однако, употребление варианта без -ър: Бодъ тач чигиз 'То же'. Различие между тач и тачрак заключается в том, что тач может означать один «квант» повторяющихся кратких звуков (тач-тач-тач ъбъл'лань 'тач-тач-тач стрелять'), тогда как тачрак передает именно однократное звучание.

Рассмотрим также следующую пару примеров: Йаблокйос шал'тър / шал'трак ус'изъ 'Яблоки со стуком упали (с яблони)'; Йаблокйос шал'тър / *шал'трак кърдо 'Яблоки со стуком сыпятся' (слово шал'тър передает дробный стук или звон от соударения мелких предметов друг с другом или с поверхностью). В первом примере допустимы оба варианта – шал'тър и шал'трак; вариант с -ак предполагает, что яблоки упали более или менее одновременно (например, если кто-то потряс яблоню). Во втором примере глагол кърдо 'сыпятся' исключает вариант с -ак, поскольку ситуация мыслится как протяженная во времени.

Иногда формант -ак присоединяется к звукоподражательным основам без «отличителей»: ср. кӯажак курчиз 'откусил большой кусок'; кӯажак курчъса с'ийънь 'жадно есть, откусывая большие куски'. Слово кӯаж (ср. также форму с «отличителем» кӯажър) передает хруст при пережевывании твердых сочных продуктов – свежих овощей, фруктов; выражение кӯаж-кӯаж с'ийънь имеет также значение 'есть с большим аппетитом'.

Формант -ак продуктивно сочетается также с изобразительными словами, выражающими незвуковые образы: гом-гом зюань 'сильно гореть, полыхать', гомак зюань 'быстро прогореть', Тъл гомак бас'тиз гид'зэ 'Огонь моментально охватил хлев'; зир бэргань 'быстро вращаться вокруг своей оси', зирак бэрэчикънь 'резко обернуться (один раз)'. Образные слова с формантом -ак передают признак краткого по времени и/или однократного действия.

Целая серия изобразительных слов с формантом -ак передает значение 'резко, неожиданно', ср.: търкак 'резко, внезапно', търкак дугдънь 'резко остановиться', търкак потънь 'вздрагнуть' (ср. удм. изобразительный корень тур-, передающий дрожание); кӯал'как потънь 'вздрагнуть' (кӯал'экийань 'дрожать'); ср. также удм. зуркак 'резко', зуркак потыны 'вздрагнуть', (зурекъяны 'дрожать'). Сравните еще зот(р)ак 'резко, неожиданно' (сделать, сказать). Слово шапър передает шорох, шапрак – резкий шорох; также шапрак может указывать на резкий выход из состояния покоя, ср.: Кӯакаос шапрак каръса лобзизъ 'Птицы с шумом (досл.:

шорох делая) взлетели’; *Кӯакаос шапрак лобзизь* ‘Птицы резко взлетели’, *Ъжйос шапрак пэгзизь* ‘Овцы вдруг разбежались’.

5. Заключение

Для изобразительных слов языка бесермян актуальной оказывается проблема соотношения внутренних структурных элементов («внутренней морфологии») и сегментации в смысле обычной морфологии. Вопрос вызывает прежде всего статус так называемых «отличителей» – формантов, регулярно присоединяющихся к изобразительным словам и модифицирующих их значение.

С формальной точки зрения «отличители» можно назвать морфемами. Так поступает С.А. Максимов, рассматривая особую группу изобразительных слов с конечным *-ы* в северном наречии удмуртского языка (Максимов 1994: 22–25). Суффиксами называются как «отличители» *-т’*, *-к*, придающие словам оттенок интенсивности действия, так и формант *-ак*, выражающий то же значение. При этом вопрос о статусе форманта *-ы* в указанной статье не затрагивается. Данный формант интересен тем, что, как и *-ак*, может присоединяться не только к изобразительным словам, но и к наречиям и прилагательным, образуя слова наречного типа. По мнению С.А. Максимова, все образования с конечным *-ы* относятся к изобразительным словам. В сочетаниях с наречиями и прилагательными формант *-ы* должен быть признан суффиксом.

Точно так же суффиксом признается формант *-ак*, когда он выступает в сочетании с наречием или прилагательным. Формально он может быть признан суффиксом и в сочетании с изобразительными словами. В этом случае встает вопрос о частеречном статусе образований на *-ак*: можно считать их наречиями, но более предпочтительным кажется решение считать их изобразительными словами, поскольку семантика образований на *-ак* вполне композициональна, а функция *-ак* сопоставима с функцией ряда «отличителей».

Для окончательного решения поставленных вопросов следует провести дополнительные исследования с привлечением большего количества материала по различным диалектам пермских языков.

Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. – Казань, 1928. – 160 с.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л., 1982. – 244 с.

Максимов С. А. О наречно-образительных словах с конечным *-ы* в северном наречии // Вестник Удмуртского ун-та. – 1994. – № 7. – С. 22–25.

Шибанов А.А. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2010. – Вып. 49. – № 34 (215). – С. 133–137.

Samarin W.J. Perspective on African ideofones // African studies. – 1965. – Vol. 24. – Pp. 117–121.